

Дуктова Любовь Георгиевна

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник

Отдел белорусской литературы XX и XX веков.

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы

Национальная академия наук Беларуси

Duktava Liubou, Candidate of sciences (Philology),

Associate professor, Senior Research Fellow

Center for research of belarusian culture, language and literature

National academy of sciences of Belarus

**ПОНЯТИЕ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД»:
ОБОСНОВАНИЕ ДЕФИНИЦИИ, РАССМОТРЕНИЕ
В СИСТЕМЕ ДРУГИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КАТЕГОРИЙ
THE CONCEPT OF «NATIONAL CULTURAL CODE»:
JUSTIFICATION OF THE DEFINITION, CONSIDERATION
IN THE SYSTEM OF OTHER ARTISTIC CATEGORIES**

Аннотация. Рассмотрение восприятия национальных культурных кодов в литературном аспекте позволяет выявить особенности национального мировоззрения, поскольку смыслы, ценности, идеалы и модели поведения, отраженные в литературных произведениях, важны для конкретного национального сообщества. В статье предложена дефиниция понятия «национальный культурный код», рассмотрено его место в системе других художественных категорий

Abstract. Examining the perception of national cultural codes from a literary perspective allows us to identify the characteristics of national worldviews, as the meanings, values, ideals, and behavioral models reflected in literary works are important to a particular national community. This article offers a definition of the concept of «national cultural code» and examines its place within the system of other artistic categories

Ключевые слова: Культурный код, национальный культурный код, код, структурно-семиотический метод, художественная литература, нация

Keywords: Cultural code, national cultural code, code, structural-semiotic method, fiction, nation

В современной литературоведении исследователи уделяют все больше внимания понятиям «текст культуры», «код культуры», «культурный код». Одна из основных модельных метафор «текст» обозначает «читаемость» культурной среды. Ученые рассматривают особенности восприятия культурных кодов в литературе в связи с понятиями интертекстуальности Ю. Кристевой, гипертекста Т. Нильссона, диалога М. Бахтина и структурной поэтики Ю. Лотмана, тем самым фокусируя внимание на необходимости выявления взаимодействия между языковым уровнем и культурной маркировкой в художественном произведении.

В XX веке слово «код» стало использоваться не только в технических, но и в гуманитарных исследованиях. Это особенно касалось новых научных направлений в различных областях: в структурной лингвистике (основатель – Фердинанд де Соссюр), структурной антропологии (основатель – К. Леви-Стросс), структурно-семиотическом подходе в литературоведении (Ю. Лотман).

Середина XX века ознаменовалась активным развитием теории коммуникации и фундаментальными разработками в области семиотики: процесс кодирования и декодирования информации, передаваемой от адресата к адресату в коммуникативном процессе, рассматривался в коммуникационных моделях, в которых код выделялся отдельно как элемент (компонент)

коммуникативного процесса: математической модели связи Шеннона – Уивера, циркулярной модели Осгуда-Шрамма, семиотических моделях Р. Якобсона и У. Эко, модели коммуникации Ю. Лотмана.

В современной литературоведении исследователи все больше внимания уделяют вопросу определения кодов в художественном произведении. Теоретической основой данного подхода в литературоведении являются работы Р. Барта, Д. Фокема, Ю. Лотмана, а также другие исследования семиотиков, лингвистов, философов, культурологов. Постепенно сформировались несколько подходов, касающихся использования понятий «код», «культурный код», а также определения роли кода в интерпретации художественно-образных средств, идеологической направленности и даже жанровой и стилистической специфики литературных произведений.

Р. Барт, обращаясь к понятиям «код», «культурный код» в работе «S/Z» (1970), одним из первых дал объяснение концепции культурного кода (это «цитирование – выбор знаний из любой области человеческой мудрости» [1, с. 45]), а также предложил определение термина «код». Дефиниции Р. Барта данных понятий вызвали как положительные, так и негативные отклики. Русский литературовед И. Ильин, обобщая опыт Р. Барта в определении термина «код» и предложенной им системы кодов (нарративный, герменевтический, культурный, семантический, символический коды), отметил: «В текстологическом анализе Барта мы имеем дело с теоретической практикой размывания понятия «код»: перед нами не что иное, как переходный этап теоретического осмысления от структурализма к постструктурализму. Барт оказался настолько небрежен в определении кодов, что в последующей постструктуралистской литературе очень редко можно найти их практическое применение для нужд анализа» [2, с. 295]. Тем не менее, идеи Р. Барта о рассмотрении кодов как ассоциативных полей указывают на многоуровневую организацию текста и находят продолжение в работах его последователей, в частности, исследователей постмодернистских текстов.

Белорусский исследователь И. Скоропанова рассматривает литературу как объект семиотики, основываясь на положениях Р. Барта: «Рассматривая с точки зрения семиотики, литература оказывается одним из языков культуры. Будучи производной от другой знаковой системы – языка, «над системой языковых топосов литература надстраивает систему своей собственной тактики – стилевой, сюжетной, композиционной, жанровой и т. д.». Она размещается и развивается в области сверхзначений, в зоне подвижных и текущих вторичных значений, и специфика её языка, по Барту, в том, что в этой знаковой системе «обозначающие могут неограниченно играть» (т. е. не дают одного-единственного определенного ответа о своём смысле): «Писатель умножает значения, оставляя их незавершёнными и незамкнутыми; с помощью языка он создает мир, перенасыщенный означающими, но так и получающий окончательного означаемого». Причину данного явления ученый усматривает в самой структуре символического языка, на котором пишутся литературные произведения» [10, с. 41]. Главное, на что обращает внимание И. Скоропанова, заключается в рассмотрении кода как феномена коннотации, что, в свою очередь, дает основания для размышлений о полисемии литературного текста: «Ссылаясь на Л. Ельмслева, которому принадлежит определение коннотации, Барт поясняет, что коннотативное значение – вторичное значение, означающее которого само представляет собой какой-либо знак или первичную – денотативную – знаковую систему. (Иначе говоря, план выражения коннотативной семиотики сам является семиотикой.) Коннотативный знак как бы «встроен» в денотативный и представляет собой «измеримый след» той или иной множественности текста. Коннотация, указывает Барт, «представляет собой связь, соотношенность, анафору, метку, способную отсылать к иным – предшествующим, последующим или вовсе ей неположным контекстам, к другим местам того же самого текста...»... Поэтому, в произведении параллельно «каноническому смыслу» существуют другие, вторичные смыслы. Денотативные значения даются в явной форме (эксплицитно), коннотативные – в скрытой (имплицитно)» [10, с. 41].

При разработке терминологии, связанной с понятием кода в отношении литературного произведения, стоит отметить концепцию системы кодов для литературного произведения, предложенную в работе «Семантическая и синтаксическая организация постмодернистских текстов» (1986) голландским литературоведом Д. Фокема [15]. Исследователь выделил следующие коды, используемые писателем: лингвистический, общелитературный, жанровый, авторский. Лингвистический код напрямую связан с языком литературного произведения. И. Ильин отмечает, что Д. Фокема называет такие слова, как «зеркало, лабиринт, карта, путешествие (без цели), энциклопедия, реклама, телевидение, фотография, газета (или их эквиваленты на разных языках)» [4, с. 161] среди наиболее заметных и часто встречающихся лексем в постмодернистских текстах.

Что касается общелитературного кода, Д. Фокема утверждает, что произведения литературы характеризуются высокой степенью связности – взаимосвязи с другими литературными текстами. В этой перспективе уместно напомнить, что в отношении постмодернистских текстов исследователи обращаются к идее «интертекстуальности» французского исследователя литературы и языка, семиотика И. Кристевой [11, с. 429], а также к концепции «двойного кодирования» американского исследователя теории постмодернизма К. Дженкса и голландского критика Т. Дана.

Суть жанрового кода заключается в том, что жанровая форма произведения устанавливает определенные «ожидания» для читателя от литературного текста.

Под авторским кодом Д. Фокема понимает не только взаимодействие кодов в литературном произведении, но и их иерархию: литературный код влияет на выбор языковых единиц, жанровый код – на модель знаков литературного текста, авторский код направлен на синергию всех предшествующих кодов. Художественное произведение воспринимается как многоуровневая система.

Важным этапом в развитии литературной мысли при рассмотрении культурных кодов при анализе произведений художественной литературы являются научные труды представителей Тартуско-московской школы, особенно работы «Структура художественного текста», «Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История» Ю. Лотмана, в которых исследователь рассматривает текст как систему, одновременно передающую и создающую смыслы. Ученый интерпретирует передачу информации самому себе как трансформацию собственной личности. По мнению Я. Лотмана, когда код переключается с одной системы коммуникации на другую, эстетический эффект «возникает в момент, когда код начинает использоваться как сообщение, а сообщение как код, то есть когда текст переключается с одной системы коммуникации на другую, сохраняя в сознании аудитории связь с обеими» [6, с. 40]. Напомним, что одним из первых, кто рассматривал проблему «перевода» информации в литературном тексте из одной системы знаков в другую, был Р. Якобсон. Чтобы подчеркнуть многоуровневый характер литературных текстов, которые характеризуются сложной системой кодов, Ю. Лотман указывает на такие характеристики, как семиотически гетерогенный текст и столкновение различных типов кодирования. В целом, Ю. Лотман рассматривает культуру как своего рода генератор кодов, исследователь отдельно называет хронологический и социально-исторический код.

В работах белорусских исследователей рассматривается семиотическая методология: «Семиотика текста. Параграфемика» Б. Плотникова, «Обновление семиотической методологии и термина «дискурс» в белорусском литературоведении» Л. Синьковой, «Поэтика и семиотика в публицистической литературе Беларуси XVI–XVII веков» И. Саверченко, «Семиотическая модель мирового литературного процесса» В. Халипова. Л. Синькова отмечает: «Необходимость обращения к семиотическим методам и терминологии была особенно очевидна в Беларуси в 2010–2020-е годы, когда общество привыкло к расширению интернет-технологий, а реалии глобальной цифровизации по-новому структурировали поле литературы и обострили проблему более глубокого понимания дихотомии знак-значение» [9, с. 148].

В белорусском литературоведении одной из первых, кто поднял вопрос о кодировании информации при понимании образного и метафорического изображения реальности в белорусском фольклоре и литературе, является Т. Шамякина, которая в своем исследовании «Белорусская литературная традиция и мифология» (2001) отмечает: «Человек всегда жил, сознательно или нет, в двух мирах – земле и небе, конкретном материальном мире материальных объектов, существ, действий и тонком мире мыслей, чувств, образов. Связь этих миров в едином пространстве человеческого существования осуществлялась посредством знака, слова, символа, давно записанного в тайных хранилищах природы. Природа заложила матрицу определенных способов обмена информацией, более того, информация на уровне ДНК закодирована, по сути – метафорически» [12, с. 7].

А. Мельникова сосредоточившись на определении кода Р. Барта как супратекстуальной организации смыслов, и подчеркнула актуальность изучения национальных культурных кодов в художественной литературе: «Национальное в художественной литературе характеризуется многогранными формами выражения. В этом контексте возникает вопрос о формах художественной реализации национального, а также о тех интерпретационных стратегиях, которые позволили бы выявить и объяснить национальные культурные коды, скрытые в литературном произведении» [7, с. 17].

В начале XXI века литературоведение достигло значительных успехов в изучении вопроса функционирования культурных кодов в художественной литературе. При этом для таких исследований, как отмечалось ранее, характерен междисциплинарный подход, учитывающий научные достижения в изучении проблемы культурного кода из других дисциплин: лингвокультурологии, этнологии, семиотики, культурологии, философии, социологии.

Наиболее разработанный вопрос функционирования культурных кодов в художественных текстах и повседневной практике представлен в работах исследователей в области лингвистики и культурологии: «О словаре «Славянские древности»» Н. Толстого, С. Толстого, «Культурные коды головы человека в русском изобразительном искусстве» культуролога Н. Меркуловой, «Коды лингвистической культуры» В. Масловой, М. Пименовой и др. В поле зрения ученых находится определение терминологического аппарата (понятия «культурный код», «лингвокультурный код»). Среди предложенных дефиниций – аналог культурной памяти, символическая реализация культурных представлений о картине мира.

Анализ отобранных работ указывает на появление нового направления в развитии литературной мысли, формирование которого учитывает опыт и достижения других научных дисциплин в изучении культурных кодов в художественном сознании, социальной практике (вербальной и невербальной коммуникации). Российский исследователь Д. Щукина пишет об особенностях функционирования кодов в произведении искусства и их связи с индивидуально-авторской парадигмой: «Механизм описания кода можно определить следующим образом: код, функционирующий как отдельная формальная организация, ритмично повторяющаяся, преобразующая передаваемую информацию посредством текстовых/экстратекстовых ассоциаций и способствующая созданию нового смысла. При этом сам код трансформируется, формальная организация отходит на второй план, код становится носителем авторских смыслов, и его концептуальная значимость возрастает» [13, с. 26].

При рассмотрении культурных кодов целесообразно обращать внимание на взаимосвязь этого термина с понятиями «знак», «архетип» и «символ».

С. Щерба подчеркивает, что слова «знак», «значение» постепенно начали укореняться в литературной критике, и выделяет три аспекта при рассмотрении вопроса о том, наделен ли художественный образ семиотической природой знака: «1) он принадлежит к какой-либо системе образов, которая действует как художественный язык; 2) он служит воображаемым аналогом какой-либо другой деятельности; 3) он обладает некоторой концептуальностью (смыслом)» [14, с. 22]. В. Рогойша считает архетип «универсальным символическим мотивом», «образным

мотивом»: «Универсальный символический мотив, существующий в человеческом подсознании и одновременно выражающийся в культуре многих народов... Иногда термин «архетип» сужается до понимания наиболее распространенного образного мотива в конкретной национальной литературе (архетип леса, болота, кургана и т. д.)» [8, с. 26].

Мы также отмечаем, что, по мнению культуролога Н. Изотовой, архетипы в определенных случаях выступают в качестве основы культурного кода, но именно национальный уровень является «водоразделом» между этими понятиями: «Культурные коды связаны с архетипическими идеями. Они универсальны по своей природе, но определяются субъективными этническими факторами, поэтому кодирование культурного пространства всегда имеет национальный характер и специфично для каждой этнической группы» [3, с. 5]. Таким образом, понятие культурного кода не исключает обозначения их архетипической основы. Важно чтобы архетипы рассматривались как универсальные человеческие схемы, модели, в то время как код может иметь региональную, национальную окраску и, как следствие, нести, передавать культурные смыслы, соответствующие национальному мировоззрению. В отношении культурного кода уместно использовать понятия семиотической единицы и ее компонентов (иконический знак, символ), которые коррелируют с понятием художественного образа (как в широком, так и в узком смысле).

Термины «код» и «культурный код» отсутствуют в литературных справочниках и словарях. Следует отметить, что пояснения к ним даны в справочнике по культурологии: «Код (*фр.* «Код – это совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания)» [5, с. 241]; «Культурный код – это понятие более широкое, чем технический. Художественная произведения, особенно сочинения символистов, могут иметь определенный код, который не всегда доступен при первом прочтении» [5, с. 241]. В цитируемой статье обращается внимание на функционирование презентационного и репрезентативного кода: «Презентационные коды в качестве проводника используют тело – они очень конкретны, привязаны к данным обстоятельствам и состоянию адресата. <...> Их часто называют кодами невербальной коммуникации. Репрезентативные коды выражают изолированные тексты, которые могут существовать отдельно от адресата – они могут описывать абстракции, умолчания и обобщения, обычно используя для этого **иконические или символические знаки** (субсимволы – Л. Д.) (по К. Пирсу). Книги, картины, фильмы и т. д. построены на таких кодах» [5, с. 242]. Приведенное выше определение указывает на важность прослеживания взаимосвязи между терминами «культурный код», «иконический знак», «символ», «семиотическая единица».

Одной из актуальных проблем остается разграничение понятий «культурный код» и «национальный культурный код». В работе В. Халипова «Семиотическая модель мирового литературного процесса» культурный код рассматривается как семиотическая единица, имеющая план содержания и план выражения. Предложенная исследователем методология литературного анализа представляет собой детальную разработку модели семиотической интерпретации литературного произведения. Исследователь предлагает рассматривать метакультурный, национальный, региональный уровни по отношению к кодам литературного текста.

Раскрытие восприятия национальных культурных кодов в литературных произведениях предполагает как определение оригинальных, так и понимание региональных явлений в контексте процессов глобализации и их влияния на формирование художественного пространства национальной литературы.

Под национальным культурным кодом целесообразно рассматривать семиотическую единицу (символ, иконический знак), имеющую план выражения (художественный образ в узком и широком смысле) и план содержания (социальные, экономические, геополитические, культурные особенности); в художественной литературе она «кодирует» определенные

глубинные историко-культурные смыслы, связанные со спецификой национального мировоззрения, моделями поведения представителей определенной нации или населения страны в целом, а в литературном тексте передается через единую систему художественных образов-символов, архетипов, характеризующих национальную идентичность

Список литературы:

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989. – 616 с.
2. Постмодернизм: слов. терминов / сост. И. Ильин. – М.: Intrada, 2001. – 384 с.
3. Изотова, Н. Н. Коды японской культуры / под ред. Т. М. Гуревич. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 301 с.
4. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 258 с.
5. Кравченко, А. И. Культурология: словарь. – М.: Акад. проект, 2001. – 672 с.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.
7. Мельнікава А. М. Нацыянальна-светапоглядныя каардынаты беларускай літаратуры першай трэці XX стагоддзя. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – 214 с.
8. Рагойша В. П. Літаратуразнаўчы слоўнік: тэрміны і паняцці. – Мінск: Нар. асвета, 2009. – 303 с.
9. Сінькова Л. Д. Актуалізацыя семіятычнай метадалогіі і тэрміна дыскурсу у беларускім літаратуразнаўстве // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 4. – С. 148–151.
10. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 608 с.
11. Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – 536 с.
12. Шамякіна Т. І. Беларуская літаратурная традыцыя і міфалогія: аўтарэферат дыс. ... д-ра філал. навук: 10.01.01; 10.01.08 / Шамякіна Таццяна Іванаўна; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2001. – 38 с.
13. Шукина, Д. А. Русская литература XXI века (фрагмент пространства художественного текста). – СПб.: ЛЕМА, 2019. – 158 с.
14. Шчэрба, С. М. Тэорыя літаратуры. – Брэст: БрДУ, 2017. – 78 с.
15. Fokkema, D. W. The semantic and syntactic organization of postmodernist // Approaching postmodernism / ed. by D. Fokkema, H. Bertens. – Amsterdam: John Benjamins Publ. Company, 1986. – P. 81–98

